

Анна Еременко

«Мне обычно ты шепчешь слова...»

* * *

Без тебя, дорогой, больно дышится, много пьется,
Без тебя во мне темнота, как на дне колодца.
Мне бы убить в себе качество инородца
И каким-нибудь спазмолитиком уколоться.
Без тебя, дорогой, солнце – лампочка, море – лужа,
Повседневно хожу, неприкаянна и досужа.
В моем доме тоска, и в нем не хватает мужа,
Мне на простыни стелется инеем зимняя стужа.
Без тебя, дорогой, временные пределы стерты,
Ноты упрямо не складываются в аккорды,
Я устала считать вокзалы и аэропорты,
Что врезаются в жизнь, как исландские синие фьорды.
Мои принципы напрочь простужены сквозняками.
Я болею твоими раскрытыми настееж глазами.
Я звоню рассказать, что все происходит не с нами...
Перестань отвечать мне бесчувственными гудками!

Говори со мной, Господи!

Рваные рифмы рубленным слогом вылетают из-под пера.
И такая дыра в душе!.. Матерным словом отзывается
наше «вчера».
Многоликая правда, безликие боги, голод, расстрел и страх.

Чьи-то щедро усыпаны шелком чертоги
превращаются в тлен и прах.
Говори со мной, Господи! Я не здорова, меня раздражает свет
Снайперских вышек и вертолетов, истекающий кровью сосед.
Говори со мной, Господи! Нож оцетинил варварский
жадный гунн,
Чтобы общество, словно серую массу, сгонять в глупый
и злобный табун.
Мы потеряны в жизнях, как мнимые точки в системах
координат.
Я не слышу тебя! Нам несчастья вещает звонкий
тревожный набат.
Ниспошли в эту бытность покой и смирение. Научи нас
искусству любви.
Говори со мной, Господи! Я умоляю! Ну хоть что-нибудь
говори...

Муза, или Мужчина в моей голове

Ты страшно назойливый хам,
Что приходит без приглашений.
И ты знаешь? Трещит по швам
Вера в нужность таких отношений.
Ты будишь меня по ночам,
Заставляешь листать тетради
И записывать по мелочам
На белой бумажной глади.
Мне обычно ты шепчешь слова,
Что хранят под секретным штампом!
Я в стихи их, как в кружева,
Все вплетаю трехстопным ямбом.
Пропадаешь, приходишь опять,
И конца нет твоей болтовне.
А я снова стану писать
Про мужчину в моей голове.

Один – один

А давай взорвем все к чертям!
Тебя ж бесит мамина люстра...
Давай разорвем эти странные чувства!
Это, знаешь, любимый, искусство –
Раздражать меня по мелочам.
Давай, разожги костер!
Из простыней и фото.
И пусть катится эта работа...
Переворота я требую!
И полета,
И нового жизненного поворота,
Словно только что напечатанная банкнота.
Давай будем долго кричать!
До хрипоты, до спазмов!
Ну, кто ж виноват, что маразмом
Заболевают так рано?
В душе свежая рваная рана,
Истина на дне стакана.
Вот выпил, и все – нирвана.
Давай оборвем обои
И мораль раскатаем в блин,
И Валентин, тот, который святой,
Пусть оправдывает свой чин
Нас с тобой собирая из льдин.
Мы закончили этот бой с тобой,
Но счет снова один – один.

Свет

Ты, дорогая, не хмурься и не робей,
Хорошо ведь все – погода, птицы, Бродвей!
Не слушай доброжелателей «царских кровей» –
Это чаще всего во вред.

Ты нахальна, красива, находчива и умна.
Ты пьешь апельсиновый сок – это вместо вина,
Ты знаешь, какая у жизни твоей цена,
Сколько стоит ее билет.

У тебя есть план. Ты свободна от рабских сетей
И еще ты амбиций полна, волнений, хороших затей.
Ты не рабочего класса, не пашешь полей
Ты еще молодой поэт.

Наша жизнь начинается только с божьей руки,
Он нас лепит, как глину, как тесто мнут из муки,
Мы не мысли его, мы всего лишь проводники.
Так стремись проводить свет!

* * *

Словно нажали кнопку «стоп»,
Обесточили проводник.
Для меня уже, верно, скроили гроб
Из недавно срубленных книг.
Смерть – коварная тетка, стучит кадыком,
Беспристрастна и холодна.
Ходит следом и курится табаком
Бессердечная сука – война.
И по венам не кровь, а тягучая ртуть,
Под рубахой нательный крест.
Неужели, Господи, это путь?
И туда устремлен твой перст?
Вот еще коридор, вот еще высоту
Нам приказано взять до пяти...
Только знаешь что, Господи? Невмоготу
Мне идти по такому пути.

Сумерки

Сумерки в городе, лучше б не уезжала,
Чувствуешь себя брошенной у вокзала,
Ты опять потеряла вкус своего идеала.
Просто в спину всадили
Предательски острое жало –
Клинок кинжала
Где-то под ребрами больно саднит,
Но это не тело, а душа твоя раненная болит.

Серые домики, маленькие оконца,
Кто-то выгуливает питомца,
Тебе бы солнца
Яркого, как прожектор,
Чтобы запроектировал архитектор,
Конструктор
Собрал тебя по проектам
Целым комплектом.
С гарантией предоплаты
Для поколения хипстеров,
Что морально, увы, не богаты.

Греешь холодную лавку своим теплом,
В жизни твоей надлом,
А в делах облом.
И кажется, что начинается за углом
Новая эра, радость, печаль и стихи,
Но нет, мы беспомощны и тихи,
Копим мешками свои грехи.
Ты уставшая выжатая мочалка.
Видишь, идущим мимо тебя не жалко,
Ты маленькая и взбалмошная нахалка!

* * *

У темному смутку, що сльози збирає в долоні,
Що серце стискає ременем безнадії,
В тім смутку, що проростає в ворожому лоні,
Що пульсує синцем на скроні,
В нім поховані наші мрії.

До любові лише кілька кроків, та їх не зробити.
Вже зібрали намисто кольору вірної смерті.
У криваві жнива викидає свій колос жито,
У спекотне, гаряче літо,
Що малює війна на мольберті.

Волошкові поля, чисте небо, лунає постріл...
Хтось падає долу, лишаючись тут навічно,
Де рідна земля споришем постелила постіль,
Лише птах прилетить у гості,
Співаючи щось мелодично.

Я лишилась сама, вже немає ні тата, ні брата,
Лиш іржа від сльози у залізній тепер душі.
Мені хочеться помсти, хочеться відвоювати,
Люто ворога постріляти
За тих, хто помер на межі.

Та стріляти не буду, я мушу загоїти рани
Крім своєї душі і тим, ще у кого болить.
Я посію прощення на рідних полях колосками,
Ружу злагоди між хатами
І любов, щоб хотілося жить.

* * *

Гірка кава та самота...
А вона ж була саме та!
З нею дихалось якось легше,
Цілувалось немов уперше.

Її постать, хода та врода
Визначалась як нагорода.
І насолода, наче свобода,
Роздувала щосили вітрила
І мені надавала крила
Ружа, що у волоссі носила
Вона – вільна та бездоганна,
Незбагненна та невблаганна,
Щира, ніжна та палко жадана,
Вже колишня, та все ще кохана...

Пустеля

Безкінечні гудки телефону,
Кілометри 3G-інтернету...
Та мелодія саксофону –
Наче постріл із арбалету.

Перебільшень уже не буде,
Перехоплень уже не треба.
Та чомусь ще стискає груди
Дивна посмішка спільного неба.

Не химерні, прості перехожі,
Не закінчені кимось стосунки...
До моєї поштової скриньки
Ще приходять твої рахунки...

Тиша гамірна та криклива
І думками засіяна стеля.
Я мовчатиму, та без тебе
Це життя – безгранична пустеля.